

Перестройка — гласность: проявление «белых пятен» истории «грозы 12-го года»

Со времён монголо-татарских набегов Русь (Россия) на протяжении столетий не испытывала ничего, подобного наполеоновскому нашествию 1812 г. Естественно, фактор войны 1812 г. (как и наполеоновских войн в целом) не мог не сказаться на последующем развитии российского общества. По мнению А. И. Герцена, «подлинную историю России открывает лишь 1812 год; всё, что было до того, — только предисловие»¹.

Вполне закономерно, что война 1812 г. стала предметом самого пристального внимания исследователей. Ей посвящено наибольшее число разнообразных работ по сравнению с любым другим событием истории дореволюционной России. Впечатляет также масштабность введённых в научный оборот соответствующих обозначенной эпохе источников. При всём этом невозможно не заметить историко-графических «зигзагов», обозначившихся в процессе изучения «грозы 12-го года». В своё время представители формировавшейся советской исторической школы отбросили определение войны 1812 г. как Отечественной. Вернулись же к нему — благодаря, прежде всего, усилиям Е. В. Тарле — только в конце 1930-х гг. Казалось, что в последующем на пути освещения аспектов войны 1812 г. были достигнуты несомненные успехи. Традиционно подчёркивалось, что советская историческая наука в отношении проблем истории дореформенной России может гордиться исчерпывающими исследованиями по двум ключевым темам — Отечественной войне 1812 г. и движению декабристов. Однако закреплённая резолюцией XIX партконференции (июнь — июль 1988 г.) политика «гласности» с очевидностью продемонстрировала необоснованность подобных подходов.

Провозглашённая в 1985 г. Генеральным секретарём ЦК КПСС М. С. Горбачёвым «перестройка» началась с не оправдавших себя паллиативных мер по совершенствованию социалистического общества, социально-экономическому «ускорению». С середины 1986 г. в выступлениях советского лидера, столкнувшегося с недовольством масс растущими жизненными трудностями, начинает повторяться мысль о том, что перемены в обществе идут недостаточно быстро. Среди главных причин этого, как правило, выделялись два обстоятельства: сохраняющаяся пассивность подавляющей части населения и приверженность руководящих структур директивным формам управления, их консерватизм. В связи с этим одной из предпосылок реформирования и вместе с тем его целью провозглашалась «демократизация общества», а её важнейшей составляющей — «гласность».

¹ Герцен, А. И. О развитии революционных идей в России / А. И. Герцен // Собрание сочинений: в 30 т. — Т. VII. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. — С. 153.

Под этим подразумевалось, прежде всего, раскрытие пороков и недостатков, мешавших реализации «потенциала социализма». Предполагалось провести контролируемое «сверху» смягчение цензуры в отношении СМИ, ликвидировать спецхраны в библиотеках, опубликовать запрещённые ранее произведения и т. п. По замыслу инициаторов перестройки, значительное расширение информированности населения, интеллектуальное раскрепощение советских людей, ломка прежних стереотипов их политического поведения должны были ускорить перестроечные процессы во всех сферах.

Знаковым явлением гласности стала реализация озвученной М. С. Горбачёвым на октябрьском 1987 г. пленуме ЦК КПСС идеи необходимости освещения «белых пятен» отечественной истории. С одной стороны, обращение к фальсифицированным или специально сокрытым от общественности историческим фактам вызвало к ним всеобщий интерес. Весьма востребованными стали такие сугубо научные журналы, как «Вопросы истории» (тираж превысил 100 тыс. экземпляров), «История СССР» (ныне — «Отечественная история»), «Новая и новейшая история». Быстро набирал издательский «вес» интересными публикациями на исторические темы новый общественно-политический журнал «Родина». С другой, историки, как правило, оказывались совершенно не готовыми конкурировать с журналистами и публицистами в оперативности подачи информации, которая будоражила умы, а также — в силу совершенно разных обстоятельств — не могли «поступиться принципами». В результате историческое прошлое нередко обрастало альтернативными традиционным подходам искажениями и мифологемами.

В определённой степени парадоксальные факторы начавшегося в середине 1980-х вскрытия «белых пятен» истории проявились и в отношении проблематики войны 1812 г. В мае 1991 г. в «Учительской газете» появилась разгромная рецензия на пособие для учащихся средних учебных заведений «Отечественная война 1812 года» (1988 г.) известного специалиста В. Г. Сироткина. Автором подобного открытого письма был ученик 10-го класса 284-й московской школы Иван Емельянов². Старшеклассник нашёл и скрупулёзно перечислил множество фактологических несоответствий. В соответствующем комментарии к газетной публикации кандидат исторических наук С. Малышкин (Московский историко-архивный институт) вынужден был отметить: «Надо прямо признать: критика носит крайне резкий, подчас нетерпимый характер. Имеет ли право ученик, хоть и из старшего класса, столь нелицеприятно обрушиваться на профессора, доктора исторических наук, автора многих серьёзных научных трудов? По-видимому, имеет»³.

Однако в целом «грозе 12-го года», безусловно, повезло: за «разгребание завалов», образовавшихся в процессе её изучения, принялись непосредственно профессионалы. Здесь, возможно, сказалась готовность историков праздновать в 1987 г. очередной юбилей исторической победы России. Проанализировав 60-летний опыт освещения советскими исследователями аспектов «грозы 12-го года», Б. С. Абалихин и В. А. Дунаевский пришли к выводу о наличии «перекрёстка мнений» учёных⁴. По определению известного саратовского исследователя в области революционно-

² Емельянов, И. Как знаем мы войну 12-го года / И. Емельянов // Учительская газета. — 1991. — 7–14 мая. — С. 8.

³ Там же.

⁴ Абалихин, Б. С. 1812 год на перекрёстке мнений советских историков. 1917–1987 / Б. С. Абалихин, В. А. Дунаевский. — М.: Наука, 1990.

го движения в России Н. А. Троицкого, который в условиях перестройки несколько неожиданно громко заявил о себе и в отношении изучения проблем «1812 года», «в целом попытка [представить критический обзор литературы по обозначенной теме, изданной в Советской России (СССР) за 1917–1987 гг. — *авт.*] удалась»⁵. Далее Н. А. Троицкий отмечал, что, порывая с застойной традицией, Б. С. Абалихин и В. А. Дунаевский «критикуют ориентированные по Сталину и считавшиеся чуть ли не классическими труды П. А. Жилина и Л. Г. Бескровного, хлестаковский опус Н. Ф. Гарнича»⁶. Вместе с тем рецензент констатировал, что отказ от стереотипов прошлого даётся нелегко. В частности, он считал, что, осудив идеализацию главнокомандующего русской армии, Б. С. Абалихин и В. А. Дунаевский «тем не менее сочли “обоснованным” вывод историков сталинской школы о том, что Кутузов как полководец выше Наполеона»⁷.

Следует отметить, что достаточно жёсткая критика предшественников стала своеобразной «визитной карточкой» Н. А. Троицкого. Это прослеживается и на уровне ряда его ранних статей, и в появившихся в условиях перестройки обобщающих работах — «1812. Великий год России»⁸, «Отечественная война 1812 года. История темы»⁹, где затронуты буквально все важные аспекты проблемы наполеоновского нашествия. Самое интересное, что подобный подход осуществлялся под своеобразным лозунгом «Назад к Марксу, Энгельсу, Ленину!». Может показаться, что время выхода самого известного исследования Н. А. Троицкого «1812. Великий год России» оказалось неудачным: в 1988 г. марксистско-ленинская методология была ещё, в сущности, вне зоны критики. Однако и «Историю темы» открывает раздел «К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин о войне 1812 года». Да и в целом заявленная здесь проблема рассматривается с опорой на взгляды классиков марксизма-ленинизма. Так, в пространных рассуждениях историка о преломлении к 1812 г. понятия «Отечественная война» находим: «Мы, отступив от Ленина, констатируем сегодня в характере войн 1812 и 1941–1945 гг. лишь к о л и ч е с т в е н н у ю [разрядка Н. А. Троицкого. — *авт.*] разницу (одна война — просто Отечественная, другая — Великая). На деле же есть между ними и качественное различие. В 1941 г. все слои населения СССР единодушно поднялись на защиту социализма как самого передового в мире общественного строя против нашествия военщины самого реакционного из государств и в борьбе с ним проявили единство целей, социально-политическую сплочённость. В 1812 г. власть имущие и неимущие классы феодальной России, противоборствуя друг другу, защищали от врага, представлявшего самый передовой в то время общественный строй, принципиально различные интересы и взаимоисключающие представления о судьбах своего отечества»¹⁰.

О принципиальной приверженности саратовского исследователя марксистско-ленинской методологии с очевидностью свидетельствовала появившаяся уже в

⁵ Троицкий, Н. А. Б. С. Абалихин, В. А. Дунаевский. 1812 год на перекрестке мнений советских историков. 1917–1987 [Рецензия] // Отечественная история. — 1992. — № 2. — С. 195.

⁶ Там же.

⁷ Там же. — С. 196.

⁸ Троицкий, Н. А. 1812. Великий год России. — М.: Мысль, 1988.

⁹ Троицкий, Н. А. Отечественная война 1812 года. История темы. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1991.

¹⁰ Троицкий Н. А. Отечественная война 1812 года. История темы. — С. 37.

середине 1990-х гг. его статья-отповедь «Друзья народа или бесы? Кого и как защищали народники» («Родина». — 1996. — № 2) на выпад А. А. Левандовского, который назвал народовольцев «отщепенцами»¹¹.

В 1992 г. в редакции журнала «Родина» состоялся «круглый стол», участниками которого стали известные учёные, занимающиеся проблемами истории войны 1812 г.: А. Г. Тартаковский, Б. С. Абалихин, В. А. Дунаевский, Л. Л. Ивченко, В. М. Безотосный и др. По определению А. Г. Тартаковского, его задачей стало стремление «посмотреть на эпоху 1812 года, отрешившись от фальсификаций и мифов, с точки зрения нынешнего исторического опыта и современных завоеваний исторической мысли»¹². Л. Л. Ивченко следующим образом определила своё видение «опыта» и «завоеваний»: «Я не могу однозначно согласиться с тем, что 74 года существования советской историографии — сплошной обрыв. Были ведь и прекрасные исследования. Ценно, что историки углубленно изучали какие-то отдельные аспекты Отечественной войны 1812 года. Работа Н. А. Троицкого “1812. Великий год России” парадоксальная, полемичная — действительно веха в нашей историографии. Но боюсь, что сейчас может возникнуть другая опасность: мы начнём разоблачать, ниспровергать и заострять внимание на вопросах, которые и до нас были уже решены. Предубеждение, предвзятость... Они всегда существовали»¹³. В свою очередь, А. Г. Тартаковский оказался значительно более критичен к «историческому опыту»: «На долгое время изучение 1812 года (я имею в виду обобщающие исторические труды) было в какой-то мере монополизировано военными историками, в профессиональном отношении подготовленными весьма слабо. В ряде работ 50–60-х годов, написанных с казённо-патриотических (а точнее, псевдопатриотических) позиций, крупнейшие сражения, манёвры, стратегическое содержание кампаний, цели и планы сторон и т. д. были представлены в искажённом, а порой и фальсифицированном виде. Фигуры виднейших русских военачальников изображались зачастую в трафаретно-иконописных или, наоборот, в несправедливо-обличительных тонах. Принижались силы неприятеля, полководческое искусство Наполеона. В сущности, это было дискредитацией военного прошлого России и его действительно славных традиций»¹⁴.

В целом представляется, что проявившаяся в эпоху перестройки тенденция активного освещения «белых пятен» истории России (СССР) привела к отказу от бравадности, восторженности и слащавости, которые ранее были характерны для анализа проблем войны 1812 г. Безусловно, это был явный историографический прорыв. А опасения Лидии Леонидовны Ивченко были развеяны... ею же самой изданием в 2009 г. заслуживающей особого внимания работы «Бородинское сражение. История русской версии событий».

¹¹ Левандовский, А. Конец реформатора / А. Левандовский // Знание — сила. 1992. — № 2. — С. 3–15.

¹² Вероломство по плану // Родина. — 1992. — № 6–7. — С. 37.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.